



Наталья Калинина

Ледяной  
поцелуй стража



Наталья Калинина

**Ледяной поцелуй страха**

«Калинина Наталья»

2014

**Калинина Н. Д.**

Ледяной поцелуй страха / Н. Д. Калинина — «Калинина Наталья», 2014

ISBN 978-5-699-71087-4

Полина писала романы ужасов, но вовсе не собиралась участвовать ни в одном из них. Однако судьба распорядилась по-другому, и обычная поездка к бабушке обернулась настоящим путешествием в страну кошмаров. Теперь самой писательнице придется пройти азбуку страха от «А» до «Я», только вот хватит ли у Полины сил выбраться из ловушки?..

ISBN 978-5-699-71087-4

© Калинина Н. Д., 2014

© Калинина Наталья, 2014

## Содержание

Глава I	5
Глава II	17
Глава III	25
Глава IV	32
Конец ознакомительного фрагмента.	33

# Наталья Калинина

## Ледяной поцелуй страха

*Моей Рыжей – с любовью*

### Глава I

– Эй?

Чья-то ладошка помахала перед лицом. Полина поморщилась и помотала головой, словно прогоняла назойливую муху, не переставая при этом быстро печатать на клавиатуре ноутбука. И только когда дописала до точки, подняла голову и недовольно проворчала:

– Я же просила не отвлекать меня во время работы!

Анастасия будто не услышала вновь уткнувшуюся в компьютер Полину, присела на краешек тяжелого дубового стола и вздохнула:

– Если тебя не отвлечь, ты так и просидишь обед, ужин и завтрак, а также конец света и начало ледникового периода.

– Я же прос...

– Обеденный перерыв, подруга, не слышала? – перебила Настя, томно выгибаясь и закидывая ногу на ногу. Яркая, как солнце, в ситцевом платье с крупными подсолнухами, с выступившими на бледном носу веснушками цвета гречишного меда, с полевым цветком в медно-рыжих волосах, она казалась самым летом, принявшим человеческое обличье. От нее даже пахло чем-то одновременно свежим, как морской ветер, и горьковато-пряным, как полевые травы.

– Все собрались за столом, только нашей великой сочинительницы все нет, – насмешливо произнесла Настя.

– Еще минуточку, и иду, – пробормотала Полина, переводя взгляд на разложенные рядом с ноутбуком мятые листочки.

– Ох... Минуточка у тебя на три часа затягивается.

Настя прыгнула со стола и покинула комнату. А Полина, оставшись в одиночестве, вновь погрузилась в изучение лежащих перед нею записей. Любопытная история. Будто небо услышало отчаянное восклицание, вырвавшееся у нее не так давно в разговоре с Настей: «Я не могу написать ни строчки! Нет ни эмоций, ни вдохновения, ни идей! Понимаешь? Я «пересохла»! И не знаю, что вернуло бы мне желание писать!» Настя в тот же день отправилась на вокзал, купила два билета и вечером выложила их на стол перед подругой. «Вот. Едем на месяц к твоим родителям. Тебе нужен отпуск». – «Какой отпуск?! – возмутилась Полина. – У меня срок сдачи книги приближается, а я не написала ни строчки! Ты понимаешь?!..» – «Понимаю, – сказала Настя и достала из шкафа чемодан. – Пакуй. Завтра – в путь». Подруга как в воду глядела: не только отдых у родителей пошел Полине на пользу, но и в дороге она нашла свою историю.

Задумчиво разглядывая записи, сделанные ее неразборчивым почерком, Полина совсем забыла, что ее звали к обеду, и очнулась, когда из большой комнаты раздался хор голосов:

– По-ли-на-а!

Она встрепенулась, выключила ноутбук и вышла к ожидавшим за столом родителям.

– Обед остынет! – упрекнула мама. – Сидим, ждем-ждем Ее Величество.

– Без меня бы начинали. Я бы позже пришла.

– Как же, пришла бы, – проворчала мама, разливая по тарелкам куриный суп с домашней лапшой. – Если уж погрузишься в свои книжки, все, пропала. Да и отец без тебя обедать не желает.

– Ну! – воскликнул тот. – Мы встретились не для того, чтобы порознь за стол садиться.

Полина поцеловала папу в румяную щеку, обняла маму и присела на свое место. Зажмурившись, втянула носом поднимающийся от тарелки пар и улыбнулась. Как в детстве! Из всех супов она любила этот.

– Дома так и не ешь первые блюда? – угадала мама. Полина промолчала, вместо нее ответила Настя:

– Я готовлю и заставляю есть! Иначе, тетя Таня, она так и просидит на чае и бутербродах.

– Ох... Вот приеду я к вам...

– Да когда же ты приедешь, мам? Давно ждем!

– Да как я все брошу? У меня работа и огород.

– Всегда у тебя находятся отговорки, – проворчала Полина, зачерпывая ложкой суп. Лапшу надо есть горячее, дуть на нее и обжигаясь. Остывшая, она не такая вкусная.

– Приеду, приеду, – пообещала мама, с нежностью глядя на «своих девочек».

– А приезжайте уж, тетя Таня! – горячо поддержала Настя. – Вместе погуляем по Москве. А то Полинку от компьютера не оттащишь.

– Да она всегда была такая. Вся в книжках, – вздохнула мама. – Полина, ты хоть эту книгу не такой страшной делай. А то я потом ночью в туалет встать боюсь!

– А вы, тетя Таня, на ночь не читайте, – рассмеялась Настя.

– А когда ж, если днем работа, а вечером – ужин и огород! Вот перед сном до полуночи. Страшно читать, а оторваться не могу. Начитаюсь, а потом всякое мерещится. И откуда в твоей голове, Поля, такие страхи берутся? Сколько тебя помню, всегда пугливая была. В детстве даже мультики про Бабу-ягу не смотрела. Неужто к фильмам ужасов пристрастилась?

– Еще чего! Когда я говорю, что за тридцать лет жизни ни одного ужастика не посмотрела, никто не верит. Боюсь я их.

– Так чего же такие книжки страшные пишешь? Привидения, шумы, тени... Бр-р, как вспомню!

– А я, когда пишу, не боюсь. Может, так страхи «выписываю». Советуют же психологи записывать то, что тебя тревожит. Так вот я пишу о том, что меня пугает.

– Заставляет меня читать, а потом сама же смеется над тем, что я засыпаю с включенным светом в комнате, – проворчала Настя, на секунду оторвавшись от мобильного, с которого что-то читала. Она так и ела, поднося одной рукой ко рту ложку с супом, а другой набирая что-то на телефоне. Глотала суп машинально, увлекшись перепиской, и, казалось, не прислушивалась к разговору. Но, поди ж ты, слышала, о чем говорили.

– Настасья, убери свой телефон и ешь нормально! – шутливым тоном прикрикнула на нее хозяйка. – С ним и спишь, и ешь, и в душе, наверное, моешься.

– У нее любовь, – усмехнулась Полина и встала, чтобы отнести тарелку в раковину.

– Да какая это любовь! – возмущенно воскликнула Настя, миготом оторвав взгляд от экрана, при этом ее орехового цвета глаза вспыхнули негодующим огоньком. Но продлилось это мгновение: бросив мимолетный взгляд на телефон, она уже заулыбалась и оборвала себя на полуслове.

– Ну вот, а я о чем говорю, – тихо добавила Полина.

– А жених-то хороший? – также шепотом спросила мама. Полина пожала плечами.

– Не знаю. Я его не видела. Только по фотографиям. Красивый. Слишком. Это его первый недостаток. Второй – находится далеко. Третий – ни бельмеса по-русски.

– Но зато он готовит отличную пасту, очень интересный и любит детей! – припечатала Настя, которая опять все услышала.

– Погодите... Как это «ни бельмеса по-русски»?! Он что, турок какой-нибудь? – растерянно замерла с ложкой, которой собралась вылавливать вареники, мама.

– Итальянец. Живет в Венеции, – ответила за подругу Полина. – Настасья с ним в последнюю поездку в Италию познакомилась. Вскружила ему голову и упорхнула, птишка наша. Теперь вот целыми днями и ночами переписывается с ним. С телефоном в руке даже спать ложится.

...В Венецию Настя отправилась одна: подруга задерживала сроки сдачи нового романа и не могла уехать до тех пор, пока не закончит рукопись. Настя не раз собиралась в город своей мечты, но каждый раз поездка по каким-то причинам отменялась. Она думала отложить поездку и в этот раз, но Полина отговорила.

Город принял ее с распростертыми объятиями. Они – Настя и Венеция – словно вступили в тайный сговор. Город открывал ей свои секреты легко, будто старому другу, вел по паутине узких улиц, переходящих одна в другую, словно за руку, дарил подарки в виде неожиданных экспозиций, устраиваемых художниками прямо во дворах. Настя, никогда не бывавшая в Венеции, гуляла по ней так свободно, словно тут родилась. Солнце, ласкающее каменных львов, голуби на площади Святого Марка, уличные оркестры, резной, как шкатулка восточной красавицы, дворец Дожей – все это было с нею раньше, в снах ли, мечтах, рассказах или прошлых жизнях. Каталась ли она по Большому каналу на речном трамвае, трогала ли прохладные камни домов, жмурилась ли от солнца на площади, пряталась ли в тени случайного дворика – она узнавала город.

Но главный подарок Венеция припасла ей накануне отъезда. Прощаясь с городом, Настя бродила по уже исхоженным ею за эти дни маршрутам. Солнце спустилось до самых вод каналов, и она с сожалением подумала, что пора возвращаться в отель. Настя пересекала один из мостов, когда заметила одинокого мужчину, стоявшего лицом к каналу и пишущего сообщение на мобильном телефоне. Проходя мимо незнакомца, она с неожиданно возникшей грустью подумала, что Венеция – город влюбленных. Вот и этот мужчина, скорей всего, ожидает на свидание любимую и пишет ей. Итальянец оторвал взгляд от телефона в тот момент, когда Настя проходила рядом, и вновь вернулся к прерванному занятию.

Она дошла до конца моста и достала карту, чтобы свериться с маршрутом.

– Вам помочь? – раздалось за спиной на английском с итальянским акцентом. Повернувшись, Настя увидела молодого человека, мимо которого прошла. Высокий красавец-брюнет со светло-зелеными глазами смотрел на нее с улыбкой. И Настя неожиданно для себя соврала, что заблудилась. Но вместо того чтобы проводить ее до отеля, мужчина предложил показать Венецию. И Настя опять согласилась. До самого утра они ходили по переулкам, мостам, улицам, исхоженным за эти дни Настей, но уже вдвоем. Катались по ночным каналам на гондоле. И Настя как завороченная слушала рассказы нового знакомого.

Франческо признался ей, что в тот момент, когда Настя проходила мимо, он писал сообщение сестре. И, заметив незнакомку, отправил восхищенное восклицание Даниэле: «Только что мимо меня прошла очень красивая девушка с волосами цвета венецианского золота! Но наверняка у нее на этом мосту свидание». «У нее свидание с тобой! Не будь дураком, иди и завоюй ее!» – написала со всем своим темпераментом Даниэле. Франческо не стал спорить со старшей сестрой...

– Погодите-ка... А как же ты за него замуж пойдешь, если он по-русски ни бельмеса, а, Настасья? – спросила мама Полины.

– А я итальянский учу, это раз! Два, а кто сказал вам, что я за него замуж пойду? – отрезала гостью, наконец-то откладывая мобильный.

– А зачем же ты тогда итальянский учишь, если замуж не собираешься? – спросила мама.

– Для общего развития. Язык красивый.

– Чао, бел-ла-а, – пропела Полина, собирая со стола грязные тарелки.

– Ничего не понимаю, девицы, – вздохнула мама, ставя перед дочерью пиалу с дымящейся горкой вареников с капустой. – Значит, Настя с этим итальянцем переписывается сутками, учит язык и при этом заявляет, что замуж за него не пойдет. Тогда зачем тратить время на бесполезную переписку?

– Почему же бесполезную? – возмутилась та, принимая из рук хозяйки пиалу. – Говорю же, он интересный человек!

– И много вы там через телефон наобщаетесь? Кстати, на каком языке вы хоть переписываетесь?

– На своих. У нас стоят программы-переводчики, – важно пояснила Настя и украдкой под столом опять заглянула в телефон.

– Совсем мир с ума сошел, – вынесла вердикт мама. – Столько усилий, и ради чего, если замуж не собираешься.

– Замуж – не напасть, замужем бы не пропасть.

– Мам, оставь ее в покое, – вступилась за подругу Полина.

– А ты бы вот брала пример с нее. Настасье хоть этот турок...

– Итальянец!

– Ну, итальянец, какая разница. Ей хоть итальянец этот пишет, а тебе кто?

– А мне – читатели.

– Читатели, – передразнила мама и горестно вздохнула, будто ставила на дочери крест. – У тебя одни книжки на уме.

– Еще и персонажи! – вернула Анастасия и украдкой подмигнула подруге. – Они ей и заменяют мужчин.

– Ну а что? – подыграла Полина. – Хочу, брюнета с зелеными глазами себе нафантазирую, хочу – блондина голубоглазого, придумаю ему интересную профессию и историю. Все страдания – вымышленные. И носки чужие стирать не надо, и у плиты часами стоять. Одни плюсы.

– Ну а надоедает, без зазрения совести убивает, – хмыкнула Настя.

– Совсем с ума девки посходили: персонажи! – охнула мама. – Живете в какой-то нереальной жизни.

– Тань, оставь их. А то они и вареники не доедят, споря с тобой. Не видишь, им просто нравится тебя дразнить, – вмешался отец. Хозяйка замолчала, но ненадолго. Уже минут через пять тишины, которую нарушало лишь звяканье столовых приборов, опять обратилась к дочери:

– Погостили бы еще, Польша. Месяц – это ничего! Дописала бы свою книгу тут спокойно.

– Не могу, ма. Скоро выходит новинка, будет продвижение, и мне нужно находиться в столице.

– Ну а ты? – повернулась мама к Насте.

– А у меня – заказы. Я и так с большим трудом выкроила этот месяц, перенесла столько встреч. Я не могу терять клиентов, тетя Таня! Мы – девушки творческих профессий, но то, что не работаем в офисах, не значит, что у нас нет расписания и каникулы могут длиться целый год.

– Ох, – только и вздохнула мать, заменив этим междометием долгий монолог.

Старая маршрутка доверия не внушала, но иного способа добраться в этот час до железнодорожного вокзала районного города, откуда в начале первого ночи уходил на столицу поезд, не было: прождать попутную машину можно было до самого утра, а автобусы ночью не ходили. Полина порывисто обняла на прощание родителей, пообещала позвонить им с перрона и первой вошла в пахнущее бензином нутро микроавтобуса. За нею следом нырнула Настя. В «Газели» уже находились другие пассажиры: пара, занявшая места рядом с водителем. Женщина визгливым голосом пилила своего спутника, а тот, понуриив голову, будто школьник, в



угрюмом молчании выслушивал упреки. Девушки заняли два места за водителем, и чуть позже к ним присоединилась еще пара пассажиров: мужчина с мальчиком лет четырех-пяти.

Когда водитель в надвинутой на глаза промасленной кепке завел мотор, в салон вскочил еще один припозднившийся пассажир: мужчина лет тридцати в деловом костюме, с компьютерной сумкой и саквояжем в руках. Он будто торопился на деловые переговоры или, наоборот, возвращался с них. Но его лохотенный вид, столичная суетливость и нервозность казались здесь такими необычными, что на нового пассажира оглянулись не только замолчавшая на время женщина с переднего сиденья, но и сидевший напротив девушек мужчина. Будто в маршрутку зашел не обычный для московских улиц человек, а инопланетянин. Новый пассажир, однако, не обратил на разглядывающих его людей никакого внимания, занял последнее место в почти пустом салоне и извлек из сумки ноутбук. «Занятный персонаж, – подумала Полина. – Вернее, человек сам по себе обычен – в Москве, но необычным становится в другом месте. Пожалуй, включу его в какую-нибудь книгу». Маршрутка двинулась с места, и Полина, отвернувшись к окну, за которым окрестности уже кутались в пока еще прозрачное покрывало сумерек, привычно стала размышлять над новым сюжетом.

...Идея пришла в дороге по пути к родителям. В купе еще ехали женщина и ее сын – худенький мальчишка лет двенадцати в круглых очках. Соседи Полины и Насти приезжали в Москву на неделю: женщине хотелось показать сыну столицу. Как только тронулся поезд, мальчишка забрался на одну из верхних полок, вытащил из рюкзака потрепанную книгу и углубился в чтение. Полина с уважением покосилась на него, заметив, что тот читает знаменитые «Вечера на хуторе близ Диканьки», и не удержалась от похвалы.

– Да он у меня вообще не от мира сего, – с плохо скрываемой гордостью сказала соседка. – Пацаны во дворе в футбол гоняют, а он над книжками сидит. И не комиксы какие-нибудь читает, а вон, видишь, классиков. Умный!

– Ну мам, – неожиданно низким для его возраста и комплекции голосом смущенно буркнул парень.

– Читай, читай, Павлуша! Это он в меня. Я в местной библиотеке работаю. Отличная работа, лучше не придумаешь! И не тяжелая физически, ну, разве что иногда приходится коробки с новыми книгами потаскать. И нахожусь среди книг, которые обожаю, – делилась женщина, выкладывая на столик упакованную в коробку из плотной фольги курицу-гриль, свежие помидоры и огурцы, а также целлофановый мешочек с вареными вкрутую яйцами. У Полины при виде этих продуктов сердце забилось сильнее от нахлынувших воспоминаний о путешествиях в детстве. Больше всего она любила поезда дальнего следования. А с ними были неразрывно связаны взятые в дорогу холодная жареная курица, отварные яйца, помидоры, стеклянные стаканы в тяжелых подстаканниках с пакетиками чая, сахар-рафинад, расфасованный в маленькие упаковочки с нарисованными на них локомотивами, жесткое казенное белье, верхние полки и мерный стук колес, под который так хорошо спится. Все эти воспоминания забурлили в душе шампанским, опьянили подзабытой детской радостью от предвкушения долгого путешествия. «Надо эти эмоции включить в какую-нибудь книгу», – привычно подумала Полина и только потом поняла, что, несмотря на свои недавние заверения о «творческой засухе» и полном отсутствии желания писать, уже думает о новом сюжете.

А вскоре женщина, представившаяся Ириной, рассказала об одном случае.

– С одним моим родственником произошло. Он тоже из деревенских, с Урала, прошлым летом приезжал в гости с семьей. Есть неподалеку от их поселка одно странное местечко, которое прозвали Гиблым. Там и скот, и люди пропадают. Как в Бермудском треугольнике. Так вот, родственник возвращался как-то домой, а путь рядом с тем Гиблым местом проходил. Он мужик трезвого ума, в легенды всякие не верит. Смешно ведь... Да и не раз он там ходил. Так вот, шел он в тот вечер, еще до сумерек, и вдруг навстречу ему – девушка, идет со сто-

роны Гиблого места. Подошла и спросила дорогу – мол, заблудилась. Родственник объяснил, даже проводить вызвался: девушка молодая, красивая, отчего не проводить? Прошли они вместе значительную часть пути, дошли до нужного ей места, мой родственник воскликнул, мол, пришли. Оглянулся, а девушки нет. Исчезла, будто и не было ее. Он еще покричал, но, не дождавшись, пошел своей дорогой. И только потом понял, что выглядела та девушка странно: одета в длинный сарафан поверх светлой вышитой рубахи. Да говорила еще непривычно, употребляя незнакомые или устаревшие слова и речевые обороты. И на него вдруг такой страх накатило, что он часть пути бегом преодолел. Вспомнил слухи об этом месте: о пропаже людей, о появлении, наоборот, в этих местах прохожих, одетых в старинные одежды. Рассказывали, что однажды на глазах у многих свидетелей прямо по полю пронесся паровоз с вагонами, хоть там и рельсы не проложены. Это был самый настоящий паровоз, с трубой и дымом, в окнах вагонов виднелись пассажиры – дамы в шляпках и мужчины в котелках. А кто-то рассказывал и про мчавшуюся по полю прогулочную коляску, запряженную тройкой лошадей. То ли в этом Гиблом месте дверь в другую эпоху, то ли там испаряются ядовитые газы, вызывавшие галлюцинации. Честно говоря, я склоняюсь больше к этой версии. А может, просто молодежь балуется, в ролевые игры играют. Не знаю.

...Тот рассказ попутчицы и дал Полине идею для нового романа. Она сделала наброски второстепенной линии – истории, произошедшей в конце позапрошлого века, оставив основную до возвращения в Москву. Она бы написала куда больше, если бы мама то и дело не отгоняла ее от ноутбука: то на речку отправляла их с Настей, то в лес за ягодами. А то просила помощи в огороде. Полина безропотно подчинялась указаниям, но на берегу реки делала пометки в блокнот, а собирая ягоды, то и дело возвращалась к обсуждению сюжета. Впрочем, Настя тоже использовала выходы на природу с пользой: делала снимки то цветов, то жучков, то ягод. Подруга оказалась права в том, что эта поездка обоим принесет пользу. Возвращались они отдохнувшие, посвежевшие, полные впечатлений.

Полина глянула на наручные часы и убедилась, что до поезда еще остается полтора часа: времени с избытком, приедут они на вокзал задолго до отправления. И только она об этом подумала, как «Газель», издав скрежетание и металлическое лязганье, встала.

– Приехали! – буркнул себе под нос водитель. – Выходите!

\* \* \*

Андрей опасался, что сын в дороге раскапризничается: путь был неблизкий, к тому же выехали они так поздно. Но пока Никита не выказывал признаков усталости. Всю дорогу до остановки он болтал об игрушечной машине, которую углядел в витрине газетного киоска на столичном вокзале еще в день отъезда сюда, и напомнил отцу об его опрометчивом обещании купить ее на обратном пути. Пришлось вновь пообещать купить игрушку, если киоск будет открыт. В разговорах о машине до остановки они дошли быстро. И тут уже обрадовался Андрей, увидев маршрутку с открытой дверью.

– Папа, смотри! Один, два, три!

Никита указал пальцем на номер машины. Легкий, как счет до трех – «раз, два, три» – сто двадцать три. Сын учился выводить в альбоме для рисования первые буквы и цифры и очень радовался, когда видел где-нибудь знакомые ему знаки.

– Четыре и пять! – восторженно завершил сын, указывая теперь уже на маршрутный номер микроавтобуса – сорок пятый. И правда, забавное совпадение.

Когда они заняли места, Никитка прижался лбом к грязному стеклу. Андрей наклонился к сыну и тихо попросил отодвинуться. Никита послушался, но когда менял позу, задел случайно сандаликом колено сидевшей напротив девицы. Андрей извинился за сына, но, увидев

мелькнувшее на лице девушки недовольное выражение, почувствовал к ней неприязнь, хоть девица и была симпатичной – легкий загар на коже, толстая коса льняного цвета, перекинута через плечо, обгоревший шелушащийся нос. Андрей мысленно обозвал пассажирку фифой и отсчитал нужную за проезд сумму. Рыжеволосая соседка уже протягивала ему в кулаке плату за себя и подругу, а затем передала аккуратно сложенные десятки от пассажира с последнего сиденья.

Андрей постучал водителя по плечу.

– Чего тебе? – удивленно спросил тот, не оборачиваясь.

– Деньги, брат, прими! За проезд.

Водитель замешкался, будто не нужна ему была оплата, взял деньги и, не глядя, сунул их в бардачок. «Впервые вижу, чтобы водитель маршрутки не пересчитал сумму», – удивился про себя Андрей.

Маршрутка сделала одну остановку по просьбе пассажирки с визгливым голосом, которая ни на секунду не замолкала, отчитывала своего молчаливого супруга. После высадки этих пассажиров в салоне наконец-то воцарилась блаженная тишина. Андрей с облегчением вздохнул и покосился на Никиту.

Сын сидел смирно и тихо, как мышонок, ловя любопытным взглядом мелькающие за окном пейзажи, очертания которых уже растушевывали сумерки. Но не успел Андрей обрадоваться тому, что путешествие, похоже, пройдет легко, как микроавтобус издал лязгающий звук и остановился.

– Приехали! – не приветливо буркнул водитель.

Нет ничего хуже, чем застрять на ночь глядя на дороге, по которой машины ездят с частотой одна в полдня, с малым ребенком, которого уже начинает клонить в сон. Но напрасно Андрей понадеялся на то, что водителю удастся завести мотор. Разбитая на плохих дорогах «Газель» не подавала признаков жизни.

– Вот тебе и покатались, – громко объявил водила, добавив в конце непечатное словцо. – Выходите!

– Куда?! – возмутился с заднего сиденья молодой человек.

– На дорогу! Голосовать, – ответил ему шофер. – Дальше мы не поедem. Повезет, поймаете попутку, не повезет...

Он многозначительно замолчал, и парень взвился:

– Что значит «не повезет»? Вы нас взяли, вы нас и довести обязаны!

– Ну, разве что вы толкать будете, – недобро усмехнулся тот. – Не хотите голосовать, сидите со мной до утра.

– Как до утра?!

– А я в потемках ее чинить не буду! Заночую и с утречка...

– Погодите! – перебила водителя рыжеволосая девушка. – То есть как это «с утречка»? А позвонить в автосервис, в вашу диспетчерскую?

– Какой у нас тут автосервис! Закрыт уже. Как и наша диспетчерская. Последний рейс. Отвез бы вас и поехал домой спать.

– Да мы до утра тут голосовать будем! – сердился молодой человек в деловом костюме. – А у меня поезд через час!

– Если повезет, успеете, не повезет – утренняя уедете, – философски заметил водитель.

– Да вы издеваетесь! Идиотизм какой-то, – выругался «костюм» и принялся пробираться к выходу. – Если я опоздаю на поезд, то такую антирекламу вашему сервису в Интернете устрою!

– Да что нам от твоей антирекламы... – фыркнул водитель и со вкусом потянулся. Молодой человек не ответил.

Хлопнула дверца, и в салоне, помимо Андрея и Никитки, который с интересом прислушивался к тому, как переругивались взрослые, остались две девицы.

– Ну?.. А вы что? Боитесь голосовать? Ну так со мной оставайтесь, – усмехнулся водитель как-то злорадно, так, что девушки растерянно между собой переглянулись. На их лицах легко читалось, что они одинаково опасаются как ловить попутку, так и оставаться до утра в маршрутке.

– Тут в километре есть бывший колхоз. «Заветы Ильича» называется, – смягчился после паузы водитель. – Там гостиница была. Я в прошлом году там останавливался. Если километр вам не путь, то по трассе до поворота и потом прямо. Не заблудитесь.

– Спасибо, друг! – сказал Андрей. Бросил вопросительный взгляд на девушек, но одна из них качнула головой, и он расценил этот жест как отрицательный. Потому позвал сына и вышел с ним в ночь.

Они прошли мимо молодого человека в костюме. Поставив между ног саквояж, тот что-то набирал на мобильном телефоне.

– Здесь неподалеку есть гостиница. Не проще ли переночевать и с утра двинуться в путь? – сказал парню Андрей, но тот уже поднес телефон к уху и обращенных к нему слов не услышал.

– Па-ап, – позвал Никитка. Андрей наклонился к нему.

– Устал?

– Нет. Я домой хочу.

– Я тоже, – серьезно ответил он, присаживаясь перед сыном на корточки и беря его за плечи. – Давай будем мужчинами и не плакать. Автобус сломался. Поэтому мы идем спать в гостиницу. А утром поедем домой.

– На другом автобусе?

– На другом. Или на машине. А потом – на поезде.

– Бабушка нас будет ждать на вокзале.

– А мы ей позвоним и скажем, что приедем не утром, а позже. Вот прямо сейчас и позвоним, – с этими словами Андрей вытащил из кармана джинсов телефон и набрал знакомый номер.

– Марта Васильевна? Да, это я. Простите, разбудил вас... Нет, ничего страшного не случилось. Сломалась маршрутка, а поймать попутку до вокзала в этот час нереально. В общем, на ночной поезд мы не успеваем. Уедем утренним. Тут неподалеку есть гостиница, говорят. Мы сейчас туда и идем. Никитка? Никита – чемпион. Погодите, я дам ему трубку.

Андрей прислонил к уху сына мобильный телефон. Никита обрадованно принялся рассказывать в трубку о сломавшемся автобусе, выплескивая свои детские впечатления так бурно, будто случилось в его жизни важное и радостное событие. Андрей невольно улыбнулся, прислушиваясь к родному голосу. Для Никиты в этом возрасте открытий любое мало-мальское происшествие – великое приключение.

– Ну, все, прощайся с бабушкой и идем.

Никита послушно распрощался, и Андрей, поудобней перевесив рюкзак, скомандовал:

– Вперед, чемпион!

Когда они прошли метров двадцать в кромешной тьме, которую рассекал лишь свет от его телефона, включенного на манер фонарика, сзади послышались шаги, и женский голос окликнул его:

– Молодой человек, подождите!

Он невольно усмехнулся, услышав льстивое обращение. К молодым людям отнести его можно было с натяжкой: недавно исполнилось тридцать пять, а седина на висках лишь добавляла возраста. Но Андрей оглянулся и остановился, поджидая спешивших к нему двух пассажиров из микроавтобуса. Видимо, они тоже выбрали гостиницу.

– Можно, мы с вами? – застенчиво спросила спутница блондинки – яркая рыжая девушка. – В маршрутке как-то неуютно.

– Да не вопрос! Идемте вместе, – согласился он, подумав, что нужно было с самого начала проявить рыцарские чувства и пригласить девушек следовать с ним. Он бы так и сделал, если бы не обрезался тогда о холодный взгляд неожиданно темных для ее слишком светлых волос глаз второй девушки. Сейчас в темноте Андрей не мог разглядеть выражения ее лица, но его воображение живо нарисовало ему поджатые губы и недовольство во взгляде.

В тишине, нарушаемой лишь шорохом их шагов, они прошли еще метров двадцать, пока рыжая не нарушила молчания:

– А вы в городе живете?

– Нет, – после недолгой заминки ответил Андрей. – Мы собирались на поезд.

– Ой, как и мы! – обрадовалась девица. – На московский.

Он промолчал, решив не уточнять, что тоже с сыном возвращается в столицу. Вместо этого указал включенным мобильником на первый встретившийся поворот:

– Кажется, нам сюда.

Они прошли в неловком молчании еще часть пути, пока не оказались на развилке. «Прям как в сказке», – подумал Андрей. – Только камня с надписью не хватает. Направо пойдешь – коня потеряешь, налево...» Терять он ничего не собирался, но, не раздумывая, подчиняясь внутреннему чувству, направился прямо.

– Нам точно сюда? – окликнула его блондинистая «фифа», которая за всю дорогу не сказала ему ни слова, только иногда о чем-то перешептывалась с подругой.

– Если не сюда, то вернемся и пойдем по другой дороге.

– Ваш мальчик не устал? – проявила она заботу. Андрей подхватил сына на руки и крепко прижал к себе.

– Он у меня чемпион.

Похоже, этот ответ ее удовлетворил, потому что девица вновь замолчала.

Не прошли они и сотни метров, как увидели очертания первой постройкой – низкой квадратной «коробки», бывшей то ли сторожкой, то ли трансформаторной будкой, то ли еще чем-то подобным, служебного назначения. А дальше – остов трактора, в темноте похожий на скелет исполинского животного. Асфальт закончился, и дорога превратилась в неровную земляную колею, которая от дождей наверняка оборачивалась непролазным болотом. Эх, русские дороги! Девуцы, спотыкаясь, ковыляли за ним сзади, о чем-то тихо переговариваясь. Он понял, что им страшно. Тревога заворочалась в душе морским гадом, расправила щупальца, впрыснула в кровь толику яда. Молчаливый темный поселок казался вымершим, как в американских фильмах ужасов. Вышедшая из-за тучи луна гротескно искажала действительные очертания. И вот это уже не деревья во дворах за покосившимися заборами их встречают, а монстры протягивают к ним корявые руки-ветви. Андрей ощутил, как крепко, изо всех силенок, обнял его сын, как заколотилось испуганно его маленькое сердце, не попадающее в унисон с его. Он успокаивающе погладил Никитку по спине и прошептал на ухо ободряющие слова. Если ему, взрослому мужику, стало не по себе, то что уж говорить о маленьком мальчике? Андрей мельком оглянулся на идущих за ним девушек: как они там? Держатся за руки, то ли боясь споткнуться на неровной дороге, то ли из желания подбодрить друг друга. Неужели все поселки в сумерках выглядят так устрашающе? Ему казалось, что это солнечный свет показывает всю их неприглядность – обветшавшие заборы, покосившиеся почерневшие дома, а сумерки, наоборот, скрывают нищету и убогость. Ан нет. Он невольно замедлил шаг: время хоть было и позднее, но в деревне царила преувеличенная тишина. Так ли было в поселке его матери, у которой они гостили с Никитой? Не помнит. Или, точнее сказать, не знает: сын, утомленный дневными развлечениями – прогулками по лесу, беготней во дворе, напитанный новыми впечатлениями, опьяненный чистым деревенским воздухом, засыпал в половине девятого. А Андрей после



того, как Никита успокаивался, не выходил гулять: либо читал в «большой» комнате, либо помогал матери.

– Как-то тут безлюдно, – высказала вслух то, о чем думал он, рыжая.

– Так мы и не на праздник явились, – несколько резко ответил Андрей. – Найдем гостиницу, переночуем, и все.

Дорога обогнула первое высокое здание – четырехэтажный квартирный блок, и поселок вдруг предстал перед ними совсем в ином виде, будто некто резко сдернул с него темное покрывало. Тропа превратилась в асфальтированную освещенную аллею.

– Похоже на Дворец культуры или здание местной администрации, – кивнула рыжая на видневшийся в конце аллеи двухэтажный дом из белого камня. – Уф... Выглядит уже не так страшно. Я уж думала, что мы не туда свернули.

Андрей не ответил, спустил с рук сына и взял его ладонь в свою.

– Дальше ножками, чемпион! Мы уже близко! – приободрил он Никитку. По логике, в небольшом поселке гостиница должна находиться неподалеку от здания администрации, то есть в центре. И он не ошибся. Аллея привела их к небольшой площади, в центре которой с высокого постамента вождь мирового пролетариата указывал знакомым жестом путь в светлое будущее. Находившийся за памятником белокаменный дом и правда оказался зданием администрации. А справа от него примыкало другое, тоже двухэтажное, с крупной надписью «Гостиница «Советская». Освещенные на нижнем этаже окна вызвали у путешественников коллективный вздох облегчения.

– Не заблудились! – обрадованно провозгласил Андрей.

– И, кажется, не закрыто, – поддержала его рыжая.

Они поднялись по трехступенчатой каменной лестнице на крыльцо, и Андрей толкнул выкрашенную в белый цвет деревянную дверь. На него пахло знакомым и забытым запахом. Это был особый аромат советского детства. Так пахло в фойе Дома культуры, и запах этот не исчез, даже когда все поменялось и по субботам вместо «Ералаша» стали крутить первые западные триллеры, а по вечерам устраивать дискотеки. Холодный запах мрамора, ковровых дорожек, деревянных дверей, пыльных бархатных портьер. Вдохнув этот подзабытый запах, Андрей подумал, что название гостиницы очень символично, и с его языка едва не сорвалось восклицание, обращенное к девушкам: «А помните?..» Он осекся, решив, что начало их школьной поры как раз пришлось на финал советской эпохи. Их вряд ли принимали в пионеры, они уже не носили на школьных фартуках октябрятские звездочки, да и сама форма к тому времени, когда девушки пошли в первый класс, наверняка уже была отменена. Ему внезапно стало одиноко. Одиночество ведь – это еще когда не с кем разделить воспоминания.

За стойкой напротив входа сидела женщина, при виде которой захотелось вытянуться в струнку, потому что она очень напомнила Андрею Фурию – школьную директрису, которая нагоняла страх не только на учеников, но и на педколлектив. На ней даже было платье того же фасона, туго, словно наволочка подушку, обтягивающее тело. Голову администраторши венчала «хала» из крашенных хной волос, а жирные стрелки на верхних веках не столько подчеркивали глаза, сколько делали взгляд более жестким. Андрей даже заробел, когда женщина вперилась в него взглядом. Он приблизился к стойке и нарочито веселым голосом, которым надеялся смягчить даму, сказал:

– Доброй ночи! У вас есть свободные номера для нескольких пассажиров сломавшегося автобуса? Такая беда приключилась: ехали мы и не...

– Сколько? – сухо перебила его администратор.

– Что «сколько»? – не понял он.

– Номеров сколько?

– Два, – ответила за него рыжая.

– Три! – раздался за их спинами голос. Путешественники дружно оглянулись и увидели вошедшего в холл запыхавшегося молодого мужчину в костюме. Мельком кивнув им, как старым знакомым, вновь прибывший приблизился к стойке, поставил у ног саквояж и вытер со лба пот.

– Невозможно в этой глуши поймать машину! – пожаловался он, глядя на круглые часы за спиной администратора. Дама раскрыла толстую, напоминающую гроссбух, тетрадь.

– Фамилии? – прокурорским тоном промолвила она.

– Моя – Васильев. Андрей Васильев.

– Анастасия Ермакова и Полина Вересова, – сказала блондинка таким серьезным тоном, будто и впрямь отвечала прокурору. Следом за нею представился бизнесмен:

– Геннадий Стояков.

– Паспорта!

Андрей достал свой, его примеру последовали остальные. Администратор собрала их документы и принялась от руки вносить записи в «гроссбух». Андрей смотрел на гладкий высокий лоб с хмурой «галочкой» между бровей, на отсвечивающие красным волосы и не мог избавиться от ощущения, что эта женщина – его не забытый даже спустя столько лет школьный кошмар. Так и подмывало спросить, не работала ли она когда-то в средней школе номер... Останавливала лишь здравая мысль, что возраст настоящей директрисы сейчас уже должен приближаться к восьмидесяти.

– Вера, проводи постояльцев, – очнулся он от строгого голоса администратора и только тогда заметил, что за стойкой появилась худенькая девушка, одетая в синее платье с белым воротничком-стойкой, с убранными в гладкую прическу волосами мышиного цвета. То ли от недосыпа, то ли от усталости выглядела девица изможденной: щеки ее казались ввалившимися, нос и подбородок – излишне острыми, а под глазами пролегли такие сочные тени, что в первый момент Андрей принял их за гематомы.

Девушка послушно выплыла – а другого слова и не подберешь, такая заторможенная вялость была в ее движениях – из-за стойки. Администратор вручила постояльцам их паспорта, и все отправились за сотрудницей: Андрей с сыном впереди, за ними – девушки, Геннадий Стояков замыкал процессию. Работница гостиницы открыла перед ними тяжелую дверь, за которой оказалась белая мраморная лестница с высокими ступенями и широкими перилами (и правда как в Доме культуры! Андрей, помнится, еще съезжал в детстве по таким перилам на животе), и жестом пригласила следовать за нею. «Вот это сервис! Вместо того, чтобы просто объяснить, куда идти, сопровождают. Не заблудились бы, поди, всего два этажа», – подумал он, глядя на неаппетитно худые икры девушки, до середины скрытые подолом платья. Горничная тем временем уже вошла в коридор, освещенный неярким светом. Красная ковровая дорожка глупила шаги, и в такой тишине становилось не по себе.

Вера остановилась перед первой дверью, достала из фартука обыкновенный, а не электронный, ключ, повернула его в замке и, не произнося ни слова, вопросительно оглянулась на постояльцев. Неловкое молчание затянулось: горничная выжидающе глядела на них, и лицо ее не отражало никаких эмоций, застыло, будто восковая маска, гости растерянно переглядывались.

– Ну, девушки, вперед! – бодро провозгласил Андрей, чтобы нарушить эту пугающую тишину. Может, служащая просто немая? Иначе как объяснить ее неразговорчивость?

Блондинка протянула руку за ключом и вежливо пожелала Андрею с сыном и Геннадию спокойной ночи. Рыжая же одарила всех улыбкой. Ключ от следующей комнаты получил уже Андрей. Попрощавшись с Геннадием Стояковым, он вошел в комнату и зажег свет. Номер оказался самым обычным: крошечная прихожая с зеркалом и квадратная комната с двупальной кроватью, узким столиком у стены, единственным стулом и шкафом. Андрей откинул портьеру и приоткрыл форточку, потому что воздух в помещении оказался спертым. Во всем остальном

номер был удобен. Особенно обрадовали Андрея огромная ванная и отличный напор горячей воды. Все не так уж и плохо! Особенно в сравнении с ночевкой в пропахшей бензином сломанной маршрутке.

– Ну что, чемпион! – весело объявил он сыну. – Давай в ванную и спать!

Никитка немного покапризничал, отказываясь идти купаться. Но Андрей довольно быстро уговорил его, пообещав выпустить в воду шампуня.

«Не проспять бы», – подумал он, укладывая после купания сына в кровать и закутывая его в покрывало. Выставил на мобильном будильник на семь утра и, попросив Никитку не бояться, торопливо принял горячий душ. Когда он вышел из ванной, сын уже спал. Андрей тихонько лег рядом и осторожно поцеловал мальчика в пахнущий шампунем затылок. Ну что ж, приключения на сегодня окончены. Завтра они благополучно попадут на станцию и уедут ближайшим поездом в столицу.

## Глава II

Той ночью Полина долго не могла уснуть, ворочалась с боку на бок на неудобном жестком матрасе, то и дело взбивала тощую, словно похудевшую на изнурительной диете, подушку, пока на нее сердито не шикнула Настя:

– Хватит боксировать подушку, она тебе не груша!

Полина перевернулась на спину, закинула руки за голову и затихла. Если бы не эта задержка, ехали бы они сейчас в поезде. Ей всегда хорошо спалось в них: мерные покачивания и стук колес убаюкивали ее лучше всяких колыбельных. Думая о поездках, она вспомнила соседку по купе, рассказ которой дал ей идею для нового романа. Полина решила, что «спит» один персонаж с той женщины. Только кто это будет и какую роль сыграет в повествовании, она еще не знала. Так нередко происходило: персонажи проявлялись в ее воображении постепенно, будто изображения на фотобумаге, открывались ей не сразу, иногда долго оставаясь безымянными, без профессий, без историй или, наоборот, без внешности, но уже со значимой ролью в сюжете. Полина ли придумывала им истории, или они сами «рассказывали» ей их, оставалось спорным вопросом. «Как тебе удастся делать персонажей такими живыми?» – как-то спросила Настя. «Я просто пью с ними чай», – ответила Полина. Во время работы над каждой книгой она думала о героях как о настоящих людях, с их вкусами и привычками, пропускала через себя их переживания, давала им возможность проявлять себя в поступках, хоть частенько это и шло вразрез с уже придуманной линией поведения и ломало изначальный сюжет. А еще она «пила с ними чай»: представляла себе, о чем могли бы говорить герои за чашкой чая на кухне, хоть эти диалоги и не имели отношения к роману. Но, представляя себе эти «чаепития» между персонажами, она «подслушивала» их бытовые разговоры, «подглядывала» за их привычками, фиксировала жесты, мимику, тембр голосов, чтобы потом использовать в работе. Вот тот герой, оказывается, говорит быстро и тихо, когда волнуется. Этот, когда задумывается, трогает кончик носа указательным пальцем. А у этой героини волосы совсем не темные и жесткие, как Полина изначально написала, а мягкие светлые кудряшки, и на ее щеках появляются при улыбке ямочки. Значит, и характер, и диктуемые им поступки у героини будут другими. И хоть мама ворчит, что Полина выдуманной жизнью подменила себе настоящую, ей нравится это. Ей не скучно, ей всегда интересно. Только вот случился кризис – ну, с кем не бывает! Устала: шутка ли – написать за последние три года столько книг! Молодец Настя, нашла верное средство. Если бы не она...

Если бы не она, как сложилась бы ее, Полины, жизнь? Да по-другому бы сложилась, и не так хорошо, как хотелось. Некоторые моменты прошлого возникли в памяти так четко, будто все случилось вчера, и полынная горечь затопила сердце. Давно об этом не вспоминала, не думала, не страдала, не мучилась, просто смирилась с тем, что где-то внутри остался рубец, с которым она проживет всю жизнь, благополучную или не совсем – как судьба сложится. Но она поклялась себе, что этот рубец никак не будет влиять на ее счастье.

Полина перевернулась на бок и закрыла глаза. Чтобы избавиться от непрошенных воспоминаний, привычно стала думать о персонажах. Статский советник Василий Иннокентьевич Сибирский сажает свою двадцатилетнюю жену Елизавету Петровну на поезд в Петербурге. Молодая женщина путешествует в компании служанки Груши. Но поезд не доезжает до места назначения, его видят в последний раз на одной из промежуточных станций. А уже в наше время жители этого поселка начинают периодически видеть проносившийся без остановки мимо станции паровоз с пассажирскими вагонами. Тайну этого поезда пытается расследовать героиня уже современной линии, ни имя, ни внешность, ни профессию которой Полина еще не придумала. Она лишь успела написать, что однажды на глазах у современной девушки мимо станции пронесся со свистом и гудением старинный паровоз, в окно выглянула дама в

шляпе и обронила что-то. Героиня в изумлении проводила состав взглядом, а затем бросилась к тому месту, куда предположительно упал некий предмет, и обнаружила возле рельса черную книжечку, оказавшуюся записной книжкой некой Елизаветы Петровны Сибирской.

Работать еще предстояло много: тайна старого паровоза оставалась для автора такой же загадкой, как и для пока безымянной героини романа. В одном из интервью Полина призналась, что практически никогда изначально не знает разгадок, расследование в романе ведет вместе с персонажами и зачастую развязку получает лишь тогда, когда дописывает историю почти до финала. Работать так, распутывая вместе с героями клубочек загадок, иногда вытягивая ошибочные нити, но в конечном результате находя ответы, было интересно, но вместе с тем и сложно. Куда проще писать по готовому, заранее продуманному плану! Некоторые коллеги Полины не садились за написание романа до тех пор, пока не расписывали его по эпизодам вплоть до финала. У нее же так работать не получалось, сюжет строился постепенно, как дом – по кирпичику. Пока не допишет предыдущий эпизод, не увидит следующего.

– Вставай, соня! – прокричал кто-то над самым ухом. Полина открыла глаза и увидела Настю, одетую в джинсы и рубашку. – Опоздаем на поезд!

– Уже утро? – сонно спросила Полина.

– Утро, утро, – торопливо подтвердила Настя, наклоняясь к своей брошенной на пол сумке. – Позавтракаем на вокзале. Не дай бог пропустим утренний поезд и застрянем надолго.

Полина наскоро умылась и переоделась в старые джинсы и футболку. Ей хотелось выпить утреннюю чашку чая здесь, а не на вокзале. Но из опасения пропустить поезд она не стала спорить с подругой, убрала в сумку пижаму и несессер с банными принадлежностями и объявила, что готова.

Коридор встретил их глубокой тишиной, словно никого больше в гостинице не было. Девушки спустились на первый этаж и увидели пустую стойку ресепшена.

– Хорошо, что плату с нас взяли вчера, а то пришлось бы ждать, – прокомментировала Полина, кладя ключ на стойку.

На улице оказалось так же безлюдно, как и в гостинице.

– Если бы не этот развевающийся на здании администрации флаг, ей-богу, подумала, что в поселке никто не живет, – сказала Настя, наводя объектив камеры на здание гостиницы.

– Фотографируешь на память?

– Ну а как же! Наверняка потом в каком-нибудь твоём романе всплывет этот эпизод с ночевкой, так вот мои снимки и пригодятся. Знаю я тебя! – весело откликнулась подруга.

– Пошли, а то и правда опоздаем на поезд. Нам еще ловить попутку.

Они пересекли площадь, обогнули памятник Ленину и... замерли на месте.

– Не поняла, – протянула Настя. – Здесь же вчера аллея была! Или мы с другой стороны подошли?

– Кажется, с этой... – растерянно ответила Полина, глядя на земляную неровную дорогу вместо асфальтированной.

– В темноте приняли землю за асфальт?

– Сомнительно. Дорога была освещена.

– Ну... вон фонарь, – кивнула Настя на деревянный столб с подвешенной к нему огромной лампочкой под конусовидным «абажуром». Подобные фонари стояли когда-то и в поселке, откуда были родом родители Полины, а потом их сменили на более современные.

– Будем считать, что ночью асфальтированная аллея нам померещилась. Другого объяснения не нахожу. Идем! – скомандовала Полина, подхватывая сумку.

Какое-то время они шли в полной тишине, нарушаемой лишь шорохом шагов. Звук выходил сухой и трескучий, будто ступали они по хворосту. Разговаривать не хотелось из-за оттягивающей руки ноши (Полина в какой раз пожалела, что не взяла в дорогу чемодан на колесиках)



и из-за духоты. Еще вчера воздух дышал прохладой после прошедших дождей, и в нем витали горьковатые запахи приближающейся осени, а сегодня казался раскаленным, как в печи. Аномально жаркий день для второй половины августа.

– Такое ощущение, будто тут засуха стоит с самого начала лета, – сказала вслух Настя то, о чем мгновением раньше подумала Полина. – Сколько, думаешь, километров отсюда до поселка твоих родителей?

– Судя по тому, что мы не проехали на маршрутке и получаса, не так уж далеко.

– Может так быть, что дождь обошел стороной это место?

– Все может быть, Настя, но мне, если честно, как-то все равно, был ли тут дождь или нет.

– А еще писательница! – усмехнулась подруга. – Мне кажется, тебя такие детали должны интересовать. Это же можно целый сюжет развернуть!

– В данный момент меня интересует, как скоро мы сумеем поймать попутку. А атмосферные осадки пусть интересуют местных жителей.

– Какая ты...

– Слушай, мы здесь точно проходили? – перебила Полина, указывая на безбрежное поле с высокой зеленой травой, в которое вдруг уперлась дорога.

– Сомневаюсь, – пробормотала Настя. – Мы шли мимо какой-то постройки, потом мимо дворов. А поле я не припомню.

– Вот и я о том же!

– Заблудились?

– Мне с самого начала казалось, что это не та дорога.

– Но другой и не было, – развела руками Настя.

– Мы просто не стали ее искать.

– Поворачиваем назад?

– А что остается делать.

– Погоди, – остановила Полину Настя. – Дай пару кадров сделаю. Красиво ведь! Не поле, а море.

– Кстати, тебе трава не кажется излишне зеленой?

– В смысле?

– Мы же говорили о том, что тут, похоже, не было дождей. При долгой засушливой погоде трава точно бы пожухла.

– Ну... Может, дожди и шли, но вода впиталась в землю.

– В родительском поселке не впиталась, а тут – да.

– Может, земля тут не такая глинистая! Вот привязалась, – усмехнулась Настя, расчехляя камеру.

– Так я же писательница! Сама сказала, что такие нестыковки должны привлекать мое внимание. Ладно, фотографируй все, что тебе нужно, и пошли. А то до вечера не уедем.

– Встань вон туда! – попросила подруга, указывая рукой на поле. – А лучше сядь. Попозировуй. Будут новые фотографии под выход твоей новинки.

– Ну, чем-чем, свежими снимками я всегда обеспечена благодаря подруге-фотографу, – откликнулась Полина, усаживаясь на кромке поля. – Иногда даже не знаю, кто я на самом деле – писательница или модель?

– Внешность у тебя практически модельная. Можно и на подиум выпускать.

– Один раз выпустили, – мрачно обронила Полина, припоминая тот случай, когда она участвовала в одном показе. Молодой модельер сделал ставку не столько на свои «шедевры моды», сколько на известные лица моделей и пригласил не профессиональных манекенщиц, а известных в других областях девушек: ведущих телешоу, актрис сериалов, певиц, журналисток и писательниц. Полине позвонили из пиар-отдела издательства с предложением лишний раз «засветить имя», так как репортаж о показе с краткими биографическими справками «моде-

лей» должен был потом выйти в глянцево́м журнале. Она согласилась скорее из любопытства, чем рассчитывая таким образом повысить продажи книг. И все бы ничего, если бы Полина, во время репетиции уверенно ходившая по подиуму на высоченных каблуках, не оступилась во время показа, не запуталась в длинной хламиде, напоминавшей не столько платье, сколько сшитую тунику из двух простыней в диких цветных разводах, и не растянулась бы на подиуме под вспышками фотокамер. Тогда она поднялась, конечно, и продолжила свой путь с улыбкой, но в журнале так и напечатали тот кадр, когда она поднималась с колен. «Засветилась на карачках, прорекламирровала, называется, книгу пятой точкой», – ворчала потом Полина, в то время как Настя, разглядывая снимок в журнале, не могла унять хохота. «Даже скан странички нигде не вывесишь! А ведь собиралась похвалиться тем, что впервые в жизни приняла участие в показе! Ну и как тут быть? Мало того, что в простыню дикой расцветки завернута, так еще и стою в такой негламурной позе. Забыть и не вспоминать!» – «Да нет же, наоборот! – возразила уже серьезно Настя. – Размести! Пусть все знают, если ты падаешь, то тут же встаешь и идешь вперед! А красивых фотографий я тебе сколько угодно сделаю». Полина тогда так и сделала: разместила с собственными шутивными комментариями скан журнальной страницы в блоге. Но сама все же тот случай вспоминать не любила.

– Ну все, отлично! – сказала Настя, опуская камеру. – Пошли!

– погоди, покажи, что вышло, – попросила Полина, зная, что подруга не любит показывать отснятый материал на камере, но все же иногда по ее просьбе демонстрирует пару-тройку кадров.

– Потом, дома, – заартачилась Настя.

– Пожалуйста...

– Ну ладно, – вздохнула подруга, нажимая на кнопку. – Смотри. Чудо как хорошо вышла!

Она пролистала несколько снимков и уже собралась было зачехлить камеру, как Полина вдруг воскликнула:

– погоди! Покажи предыдущий кадр.

– Потом, Поля. Дома все рассмотришь. Хорошо вышла и...

– Я не об этом! Вернись и сама все увидишь!

– Пожалуйста... Ой! Что это? – нахмурилась Настя, увеличивая кадр. Они обе склонились над камерой, а затем испуганно перевели взгляды на поле и обратно на камеру.

– Откуда эти люди?.. – прошептала Настя.

В кадре, помимо сидевшей в траве и беспечно улыбающейся Полины оказалось еще несколько фигур мужчин и женщин, косящих траву. Одна из фигур развернулась к объективу лицом. Настя увеличила кадр, чтобы разглядеть лучше человека, и чуть не выронила камеру.

– Страшный какой...

Худой, как обтянутый кожей скелет, мужчина в оборванной рубахе и надвинутой на лоб соломенной шляпе улыбался им жуткой, похожей на оскал, улыбкой. Коса в его руке лишь усугубляла ассоциации со смертью.

– Как это вышло? – пробормотала испуганно Настя. – В поле, когда я тебя снимала, никого не было! Я не видела их ни простым глазом, ни через камеру.

– Не нравится мне все это. Пошли отсюда скорее! – позвала Полина, подхватила свою сумку и торопливо направилась в сторону поселка.

– Слушай, может, удалить эту фотографию? Зачем нам такая жуть? – спросила, нагоняя ее, Настя.

– Оставь пока. Дома еще раз посмотрим.

– А ты как это объяснишь? Ты же мистику всякую пишешь!

– Не знаю, Настя, – несколько раздраженно ответила Полина, шагая так быстро, будто готовясь в любой момент перейти на бег.

– Если бы это произошло в твоей книге, ты бы дала объяснение.

– Настя, мы не в моем романе. Давай, поторопись. Господи, эта дорога какая-то бесконечная! Мне кажется, мы уже давно должны были прийти.

Дорога и в самом деле словно удлинилась. Они шли и шли по разошедшейся земле вдоль редких деревьев, которые казались декорациями из-за того, что ветер совсем не шевелил листву, в тишине, нарушаемой лишь их репликами.

– Опять заблудились?

– Не думаю. Вон стоптанный башмак валяется, мы точно мимо него проходили.

– Как некстати сломалась эта чертова маршрутка! Знаешь, я уже жалею, что мы вообще ушли с дороги, лучше бы остались ночевать там. Глядишь, уже бы поймали попутку.

– Полина, не паникуй. Включишь это маленькое приключение потом в книгу.

– С фотографией-иллюстрацией...

– А то! Вон, кстати, памятник показался! Сейчас найдем ту аллею, по которой вчера пришли, и выйдем к дороге.

– А вон мужчина с мальчиком! – обрадовалась Полина. – Как его зовут, Андрей?..

– Мужчину? Да, – ответила Настя и закричала: – Андрей! Доброе утро!

– Здравствуйте, – тоже издали, но более сдержанно поздоровалась Полина, хоть про себя обрадовалась этой встрече. Они с Настей уже не одни. Мужчина – это защита и сила.

\* \* \*

Проспали. Почему-то не прозвонил будильник, и вместо желаемых семи утра Андрей открыл глаза в половине десятого. Сын спал рядом, разметавшись на кровати так, что для отца оставался лишь узкий край. При взгляде на спящего ребенка раздражение из-за позднего подъема будто рукой сняло. Андрей улыбнулся и тихонько встал, решив разбудить сына после того, как примет душ. Но когда он вернулся обратно в комнату, застал Никитку уже сидящим на кровати и сонно трущим кулачками глаза.

– А где девочка? – спросил сын.

– Какая девочка?

Никита обвел взглядом комнату и ответил:

– Ну, та, которая обещала игрушку.

– Никита, тебе приснился сон. Никакой девочки тут нет.

– Нет, была! – неожиданно с нажимом произнес сын и захныкал. Андрей вздохнул и присел рядом с ним на кровати: иногда Никита со сна начинал капризничать, путая приснившееся с реальностью.

– Она сказала, что пойдет за игрушкой, и ушла. Вон туда, – указал сын на входную дверь. – Я сказал, что хочу машинку! Красный джип.

– Хорошо, – сдался Андрей. – Давай вначале умоемся, почистим зубы, а затем пойдем вниз и поищем ту девочку. А если не найдем, машинку тебе куплю я. Красный джип. Договорились?

Сын неопределенно мотнул головой, слез с кровати и нехотя поплелся в ванную.

Четверть часа спустя Андрей запер номер и, перекидывая через плечо ремень дорожной сумки, подумал, что надо бы постучать к девушкам, раз им тоже на поезд в столицу. Он бы так и сделал, если бы вспомнил, в какой комнате они остановились. При дневном свете коридор показался ему совершенно другим – гораздо длинней, с рядом одинаковых дверей. Кажется, номер девушек был возле лестницы, но вот незадача: таких выходов на площадке оказалось несколько. Теперь понятно, почему администратор попросила другую служащую сопровождать их. Андрей повертелся на месте, думая, в какую сторону отправиться, и решил, что все лестницы наверняка ведут в холл.

– Пошли, чемпион! – скомандовал он сыну, и тот послушно направился за ним.

Он ошибся: лестница, похожая на вчерашнюю, привела к запертой двери. Андрей подергал ручку, но безуспешно. Ничего не оставалось, как вернуться и выбрать другой выход. На этот раз путь привел их к узкой площадке и двери, за которой оказалось помещение со швабрами, ведрами и развешенными на крючках синими халатами.

– Опять не туда, – обронил раздраженно Андрей. Благо, Никитка не капризничает, послушно поднимается-спускается за ним следом. Спросить бы у кого дорогу, но, как нарочно, гостиница словно вымерла. В следующий раз они попали в помещение, оказавшееся столовой. В большом зале в два ряда наискосок выстроились квадратные столы, покрытые клеенчатыми скатертями. Часть столов была сервирована, часть – еще нет. В воздухе витали запахи еды: кофе и выпечки. Уютно, но что-то все же не так. Что – Андрей понял не сразу, только когда рядом раздался голосок его сына, прозвучавший в тишине слишком громко:

– Пап, я есть хочу!

Тишина! Вот что тут было не так. Общественные столовые обычно наполнены характерными шумами: звоном столовых приборов и посуды, голосами обслуживающего персонала. Здесь же царили тишина и безлюдность.

– Эй, здесь есть кто? – спросил Андрей. И его низкий голос, отразившись от голых стен и мраморного пола, прозвучал неожиданно звонко.

– Ребенок есть хочет! Есть здесь кто?

Молчание. Андрей подождал в надежде, что кто-нибудь к ним выйдет с кухни, и потерял терпение.

– Никита, мы позавтракаем на вокзале.

– Ну пап, – заканючил так не вовремя сын.

– Потом, потом, – пробормотал он, уводя сына за руку. Не нравилась ему эта безлюдность. Не нравилась, и все тут.

Из столовой вело два коридора: один – к той лестнице, по которой они сюда спустились, второй – к мраморному бюсту Ленина и стоявшим по его бокам в почетном карауле двум пальмам в кадках. Андрей решил не возвращаться к лестнице, дошел до бюста и открыл прячущуюся за одной из пальм дверь. Наконец-то они оказались в холле!

Здесь оказалась та же безлюдность и тишина, что и во всем отеле. Андрей немного подождал возле стойки ресепшена, но, убедившись, что никто на его зов выходить не собирается, просто положил ключ рядом с уже лежащим на стойке и направился к выходу. На улице его и окликнули девушки.

– Как хорошо, что мы вас встретили! – улыбаясь, сказала рыжая – яркая, приветливая, летняя. Вторая девушка поприветствовала его более сдержанно. Снежная королева, несмотря на загар. Лето и зима – вот кто они, две подруги.

– Приятно, когда тебя встречают с таким радушием, – не удержался он от безобидной шпильки, которую смягчил улыбкой.

– Здравсьте, – поздоровался серьезно, как маленький мужчина, Никита.

– Здравствуй, хороший! – откликнулась тут же рыжая, улыбаясь так ласково, будто мальчик ей был родным. Блондинка же ограничилась чуть отстраненным «Здравствуй».

– Мы заблудились! – объявила Анастасия.

– Мы тоже, – признался Андрей. – В гостинице. Ну что ж, пойдем вместе! Так даже лучше.

Он направился к памятнику, откуда, как помнил, вела аллея, но его вдруг окликнула блондинка:

– Андрей! Мы только что оттуда. Эта дорога ведет в поле.

– В какое поле? – не понял он. И тут увидел, что дорога была совсем не похожа на вчерашнюю.

– Позвольте, а где аллея?

Девушки между собой переглянулись, и Настя после некоторой заминки ответила:

– Мы тоже удивились, не увидев ее. Значит, вы тоже считаете, что ночью мы пришли с этой стороны?

– Считаю, но уже сомневаюсь. Не могли же за ночь снять с дороги асфальт?

– Эта дорога ведет в поле. Мы проверили. Можем даже показать фотографии-доказательства.

– Верю, верю. Ну что ж, поищем другой путь. А еще лучше, если поступим вот так...

Он достал мобильный телефон с тем, чтобы войти в Интернет и посмотреть карту. Но оказалось, что связи в этом месте нет.

– Печально. Придется искать путь самим. Хотя можем спросить у местных.

– Мы пока не встретили ни одного местного, – сказала рыжая. – Только вот...

И, смутившись, осеклась.

– Что? Договаривайте, – потребовал Андрей, который не любил недосказанности.

– Это пустяк... Не имеет никакого отношения, но... В общем, вот, – решила девушка, расцехлила висевшую на шее камеру, включила ее и показала Андрею.

– Я снимала мою подругу. В поле точно никого не было. А на снимке сами видите, что вышло.

– Хм... Занятно. Теперь понимаю, почему вы так обрадовались нашему с Никитой появлению. Напугались?

– Да, – ответила вдруг молчаливая блондинка. Ответила серьезно, без смущения, глядя Андрею прямо в глаза. И он неожиданно почувствовал нечто похожее на симпатию к ней, просто потому, что она, с виду холодная «девушка-зима», так просто, без жеманства, призналась в своем страхе.

– Меня такие вещи пугают, – продолжила она без тени кокетства. – Давайте найдем поскорее дорогу, иначе опоздаем не только на утренний, но и на послеобеденный поезд.

– Ваши сумки тяжелые? Может, оставим их в отеле, найдем правильную дорогу и вернемся?

– Сумки тяжелые, но не настолько, чтобы терять из-за них время, – без улыбки ответила Полина, в то время как ее подруга клацала кнопками мобильного телефона. – О нас не беспокойтесь. Ваш мальчик выдержит дорогу?

– Никита, выдержишь? – весело спросил Андрей, которому понравилось то, что девушка проявила заботу о его сыне.

– Выдержу! – та серьезная торжественность, с которой ответил Никитка, вызвала улыбки у троих.

– Совсем нет связи, – невпопад заметила рыжая, отрываясь от телефона, и вздохнула с таким огорчением, будто дозвониться до кого-то для нее было вопросом жизни и смерти. Но, убрав телефон в карман, уже с улыбкой на губах предложила попробовать другой путь.

– Ерунда какая-то, – сердито произнес Андрей почти час спустя, после того как они, пропетляв между полуразрушенных бараков и обогнув очередное широкое поле, вновь пришли в поселок напрямик к гостинице, только не к фасаду, а с тыла. Девушки притихли, то ли удрученные тем, что опять потерпели неудачу, то ли чувствуя вину за неверно выбранный путь.

– Все дороги ведут в Рим, – вздохнул Андрей.

От этого его замечания Настя вдруг вздрогнула и посмотрела на него так, словно он произнес пророческие слова.

– Не беспокойтесь, мы обязательно найдем отсюда выход, – поторопился успокоить ее он. Рыжая улыбнулась растерянно, словно не его словам, а своим мыслям. Похоже, есть у девушки свой секрет, вон и подруга посмотрела на нее с ей понятным значением.

– Па-ап, я есть хочу! – заканючил сын, который до этого мужественно вытерпел весь путь.



– Андрей, давайте сделаем паузу, накормим ребенка и сами перекусим, а потом продолжим поиски выхода, – сказала Полина.

– Здесь есть столовая, – согласился он. Никитка, услышав, что его сейчас поведут завтракать, повеселел и прекратил капризничать.

Когда они поднимались на крыльцо, за их спинами раздался громкий рассерженный голос:

– Черт знает что!

К гостинице быстрым шагом направлялся Геннадий Стояков. Одет молодой человек был, как и вчера, в деловой костюм, только вид у бизнесмена оказался не такой безупречный: темно-вишневый галстук выбился из-под пиджака и свесился мятой тряпочкой набок, напоминая высунутый в жару язык огромного пса, брюки, как и туфли, были заляпаны свежей грязью. Геннадий раздраженно провел рукавом по лбу, стирая капли пота, и поставил прямо на землю свой багаж.

– В какой стороне дорога? – тем же рассерженным тоном спросил он.

– Сами ищем, – ответил Андрей, усмехаясь. Отчего-то ему сделалось смешно, хоть ситуация совершенно не располагала к веселью. Но, похоже, они попали, как герои американского триллера, в переплет. Это же придумать надо – не сумеет выйти из маленького поселка. К месту или не к месту вспомнилась фраза из народного фольклора: «леший водит». Будто и точно их леший водит кругами, хоть и не по лесу, а по окрестностям.

– Черт знает что, – повторил Геннадий, вновь вытирая мокрый лоб.

– Похоже, черт как раз и знает, что происходит, – заметил Андрей. – Пойдемте с нами завтракать.

– Какое «завтракать»?! Я сегодня до обеда должен быть в Москве! У меня встреча назначена! Мало того, что сломалась эта консервная банка, мало того, что к дороге выйти не могу, так еще и мобильный не ловит! А вы – «завтракать»?! Как вы можете так спокойно об этом говорить?!

– А что еще остается делать? – пожал плечами Андрей. – Послушайте совета: позавтракайте. На голодный желудок проблемы кажутся в сотню раз больше. Вот увидите, поедим и найдем выход. Мы тоже, как и вы, блуждаем и жаждем отсюда выбраться.

– Ну, хорошо, – сдался молодой человек. – Где можно поесть?

– В столовой. Правда, персонала я не дождался, но свежей едой там пахло вполне аппетитно. Можно еще позавтракать тем, что предлагают мини-бары. В нашем номере такой был.

– Мини-бары обычно предлагают алкоголь и орешки, – усмехнулся Геннадий. – Вряд ли там найдется что-то для детского питания.

– Тогда идем в столовую, – вмешалась Полина. – И плотно завтракаем. Похоже, это приключение так быстро, как нам хотелось, не закончится.

## Глава III

Не накаркать бы... С тем, что приключение быстро не закончится. Фраза вырвалась сама собой, и Полина уже пожалела об этом. Задерживаться в поселке ей совсем не хотелось. И даже писательское любопытство к различным загадкам и историям не навеивало желания остаться. Интуиция, которая была у нее развита неплохо, подсказывала, что им нужно как можно скорей найти нужную дорогу. Этими опасениями она и поделилась с Настей по пути в гостиницу. Подруга согласилась, рассеянно кивнув, – она все пыталась связаться по телефону со своим итальянцем. И, судя по нахмуренным бровям, ей это не удавалось. Андрей правильно заметил, что тут отсутствовала мобильная связь и не ловился сигнал Интернета.

– Насть, оставь, – шепнула Полина. – Выйдем отсюда, и напишешь своему Франческо.

Настя вздохнула и убрала телефон в карман. Зря она пытается всех уверить, что не увлечена обаятельным итальянцем: а противном случае не расстроилась бы так из-за неудачной попытки выйти с ним на связь. Ох, Настя, Настя, ты можешь обманывать сама себя, но не наблюдательную подругу!

За стойкой ресепшена по-прежнему никого не было, ключи лежали так, как их и оставили. Полина предложила забрать их на тот случай, если придется подняться обратно в номера. Столовую они нашли без приключений. И хоть там тоже никого не оказалось, их будто ждали: количество накрытых столов соответствовало количеству занимаемых комнат – три, а один из приборов оказался детским.

– Ну что, присаживаемся? – спросил Андрей, обводя взглядом накрытые столы. Масло в простых фаянсовых масленках, крупные ломти хлеба на белых тарелках, желтый сок в стеклянных графинах. Чуть поодаль находилась стойка, на которой, как в современных гостиницах, практикующих завтраки по типу шведского стола, стояли лотки с едой – сосисками, омлетом, гречневой кашей, кувшин с молоком, пирожки и оладьи со сметаной.

– Сытно и аппетитно, – пробормотала Полина. – И, главное, все еще горячее, будто еду только с плиты сняли.

– Эй! Здесь есть кто? – громко позвал Геннадий, но никто не отозвался.

– Обслуга-призраки, – усмехнулась Настя, поворачиваясь к Полине. – Ну прям как в твоих романах.

– Вы пишете романы? – живо заинтересовался Геннадий, в то время как Андрей возле лотков уже обсуждал с сыном, что тому положить.

– Пишу, – не стала ломаться Полина.

– Надо же! – восхитился молодой человек. – А что-нибудь уже издали?

– Издала, – кратко ответила Полина, мысленно прикидывая, что взять – оладьи или кашу с молоком. Приключения приключениями, а есть все же хотелось. Остается надеяться, что еда тут не отравленная. Но в преступные замыслы персонала совершенно не верилось. Какой резон им травить постояльцев?

– О, как интересно! – не отставал Геннадий, подходя вместе с ней к лоткам с едой и накладывая в свою тарелку все подряд – скорее машинально, чем от голода. – И что же вы пишете? Любовные романы или детективы?

– И то и другое, – уклончиво ответила Полина, которой разговаривать не хотелось, но и казаться невежливой – тоже. – Мистические с любовной и детективной линиями, если вас устроит такое объяснение.

– Это что, про любовь с вампирами, что ли?

– Нет. Пишу про старинные легенды, семейные тайны, проклятия и так далее. Вместо вампиров – призраки, экстрасенсы и ведьмы.

– О как... Значит, любите чертовщину?

Полина мотнула головой, не давая точного ответа. Любит ли она «чертовщину», как выразился Геннадий? Не столько любит, сколько... относится к ней с уважением.

Она положила на тарелку оладьи со сметаной и омлет и направилась к столику, за которым уже сидела Настя. Геннадий со своей тарелкой устремился не к свободному, сервированному специально для него столу, а за Полиной.

– Можно, девушки, к вам присоединиться?

– Вы уже присоединились, – буркнула Полина.

– Скажите, все писательницы такие серьезные? Вы хоть бы улыбнулись, – поиграл бровями Геннадий.

– Обстановка не располагает к улыбкам, – отрезала Полина. Не в том настроении она находится, чтобы флиртовать!

– Не обращайте внимания на ее неприветливость, – вмешалась Настя. – Дайте ей спокойно поесть, и тогда увидите, как изменится ее настроение! Полина бука буккой, когда голодная, а вот когда сытая – сама любезность.

– Настя! – Полина от возмущения чуть не поперхнулась соком. Такой подлянки от близкой подруги она не ожидала – сдала ее со всеми, что называется, потрохами. Ей совершенно неинтересно любезничать с Геннадием. Вот позавтракают они сейчас и разбредутся каждый своей дорогой.

– Ну раз так... – рассмеялся Геннадий, но, к счастью, понял, что его обществу не особо рады. – Хорошо, если я вам мешаю, уйду.

– Да нет, можете остаться, – невинно заметила Настя, скосив глаза на торопливо жующую и делающую вид, что ее внимание полностью занято едой, Полину.

– Боюсь, испорчу вашей подруге завтрак. Приятного аппетита!

С этими словами молодой человек взял свою тарелку и пересел за отдельный столик.

– И что на тебя нашло? – тут же зашипела Полина на подругу.

– А на тебя? Чем он тебе не угодил?

– Болтовней, когда я не настроена общаться и улыбаться.

– Ну, подарила бы ему пару улыбок – с тебя бы не ubyло.

– Зачем?

– О господи, – закатила глаза Настя. – Ты настолько погрузилась в свой книжный мир, что разучилась общаться с представителями противоположного пола в реале! Смотри, вполне себе приличный молодой человек! Симпатичный, хорошо одетый, похоже, с престижной профессией.

– Ты что, мне его сватаешь?

– Да никого я тебе не сватаю, – воскликнула, забывшись, Настя, так, что их услышал Геннадий.

– Тише ты, – одернула подругу Полина и осторожно скосила глаза в сторону соседа: смотрит или нет. Геннадий смотрел на них внаглую и ухмылялся. Конечно, слышал, о чем они тут спорили. Полина рассердилась и на Настю, и на этого Геннадия, и на себя саму за то, что от неловкости щеки тут же вспыхнули румянцем.

– Приятного аппетита! – громко пожелала подруга молодому человеку – вроде бы и вежливо, но с намеком. Не отвлекайся на чужие разговоры, ешь! Мало чем ее смутит – смелую, яркую, уверенную в себе. Геннадий отвернулся и принялся черпать из тарелки ложкой гречневую кашу. Полина скосила на него взгляд. Настя права: симпатичный. Темно-русые волосы подстрижены будто вчера, на тонкой переносице – очки в дорогой оправе. Все детали гладковыбритого лица подобраны-подогнаны так идеально, что лицо казалось обработанным в фотошопе портретом. Так все гладко и ладно, что не за что зацепиться: скользнешь по лицу взглядом и... забудешь, перепутаешь с другими, увиденными на рекламных плакатах. Все в его внешнем виде было так безупречно, что казался этот молодой человек ненастоящим. Это там,

в столице, ежедневно пробегает по бурлящим людским потокам и тротуарам множество банковских клерков – выпускников престижных вузов, сделавших к тридцати годам неплохую карьеру. А здесь, в глубинке, выбивался он своим видом так, как выбивался бы Кен на полке с советскими пупсами.

– Он какой-то ненастоящий, – шепнула Полина Насте. – Не находишь?

Подруга лишь пожала плечами, украдкой проверила свой телефон и тихо вздохнула. Полина бросила на нее сочувственный взгляд. Настя без прежнего аппетита подцепила вилкой кусочек омлета и отправила в рот. За другим столом Андрей, наклонившись к сыну, что-то тому шептал. Судя по нахмуренным бровям мальчика и строгой морщинке над переносицей отца, беседа велась воспитательного характера. В какой-то момент Никитка стукнул кулачком по столу и упрямо выпятил нижнюю губу.

– Никита, ешь, что дают! – повысил голос отец, но, спохватившись, опять перешел на шепот.

Еда оказалась горячей, свежей и вкусной, но к гостям никто так и не вышел. Тишину нарушали лишь тихие переговоры да звяканье столовых приборов.

– Непонятный сервис, – высказал вслух то, о чем думали все, Геннадий. Отодвинул тарелку и сыто откинулся на спинку стула. – Наготовили и ушли, даже записки не оставили.

– Я думаю, что в гостинице работает очень мало народу, отработали смену, взяли с нас плату за ночлег, завтрак оставили и разошлись отдыхать, – ответила Настя.

– Скудное объяснение, – как будто расстроился Геннадий. – Вон писательница тут развернулась бы. Ну чем не сюжет для романа, а?

Его игриво-фамильярное обращение возмутило Полину, но она промолчала и даже не повернула головы.

– Так что делать будем? – спросил Геннадий, обращаясь вроде бы и ко всем сразу, но при этом косясь на Полину – не с интересом, а снисходительно, словно ожидал ответа от нее и знал, что ничего она предложить не сможет.

– Как что – искать обратную дорогу, – ответил за всех Андрей. – Подкрепились – и в путь.

– Мы уже все пути-дороги исходили, – заметила Настя, но, однако, поднялась первой. – Андрей, может, вам с мальчиком тут подождать? А мы поищем того, кто бы подсказал нам дорогу.

– Нет, мы пойдем с вами, – возразил тот. – Но вещи предлагаю оставить в номере. Вернемся за ними, когда найдем дорогу.

– Я все возьму с собой: багаж у меня небольшой, а терять время я не привык, – с пафосом заметил Геннадий и, перехватив случайный взгляд Полины, подмигнул той.

«Так и не теряй его! На что надеешься?» – мысленно ответила она. Вопрос, обращенный к Геннадию, был риторическим, но шесть лет назад чуть не закрыл для нее дверь в мечту.

– Полина, на что ты надеешься? – спросил Юрьев, закрывая папку с внушительной стопкой бумаги. Накануне Полина осмелилась признаться ему в том, что пишет, и Игорь немедленно попросил ее дать ему почитать. Просьба прозвучала и неожиданно, и ожидаемо: Полина на это и надеялась, что Юрьев станет ее первым читателем. Но одно дело надеяться, и другое – на самом деле отдать папку с распечатанным романом, выйти из тени на помост, обнажиться – не телом, а душой, отдать свои мысли и мечты на растерзание чуждому мнению. В какой-то момент Полина испытала желание дать обратный ход, отговориться тем, что роман не готов. Но в глазах Игоря прочитала такой интерес, что вытащила из шкафа заветную папку. Юрьев ее взял, убрал в «дипломат» и ушел на работу. А Полина весь день не находила себе места, представляя, как Игорь листает – нет, не страницы, а ее мысли, – и хмыкает, и удивляется, и не соглашается. Она даже малодушно надеялась, что он забыл о папке или ему просто было некогда читать.

*Нет, не забыл, читал в перерывах между лекциями, в обеденную паузу, в «окно». И вот сейчас он восседал на стуле, будто судья в своем кресле, а она топталась перед ним, как обвиняемая.*

*– На что ты надеешься, Поль? – повторил Игорь, глядя ей в глаза своими темными, как беззвездная ночь, глазами.*

*– Так... плохо написано? – выдавила она непослушными губами.*

*– Нет, написано как раз хорошо, есть у тебя стиль, рассказывать ты тоже умеешь. Но, думаешь, вот это кто-то прочитает в издательстве? – Юрьев потряс папкой, и Полина покраснела до самых корней волос.*

*– А почему нет? На форуме говорят, что издательства рассматривают рукописи, нужно только отправить на нужный адрес... Позвонить, спросить адрес редактора и отправить.*

*– Ты что, всерьез думаешь отправлять роман в издательство? – спросил Игорь и рассмеялся. – Полинка, девочка моя, не будь такой наивной! Там же, в издательствах, все схвачено! Попадают туда либо по знакомству, только если кто-то замолвит за тебя словечко, и этот «кто-то» – далеко не последнее лицо. Либо если у тебя есть много-много денег и ты способна проплатить публикацию. Либо если ты уже какая-нибудь звезда, ну там киноактриса или певица. Насколько я знаю, у тебя нет дяди – директора издательства. Богатого спонсора тоже. И по телевизору ты тоже не мелькаешь. Так на что надеешься?*

*– А на форумах...*

*– На форумах! – передразнил Юрьев. – Мало ли что там говорят! Тебе тоже никто не запрещает под вымышленным именем писать небылицы.*

*– Откуда ты все это знаешь? – пошла в атаку Полина.*

*– Знаю, – припечатал Игорь веско. – Любой знает, кроме тебя. Девочка моя, любимая, ну не будь такой наивной!*

*– Ты лучше скажи, как написано, – отважилась она.*

*Над этим романом Полина работала год, продумывая детали, составляя сюжет даже не по кирпичикам, а по песчинкам, вживаясь в образы героев. Жанр она выбрала неоднозначный: и не детектив, и не любовный, и не фэнтези. Какой-то винегрет из жанров – всего понемногу. Сама она находила свой эксперимент удачным. Но вот что скажет ее первый читатель?*

*– Написано отнюдь не ужасно, как я уже сказал. Интересно даже. Хотя романтики, на мой взгляд, с избытком. Вот если бы ее удалить, да оставить сюжет, да еще бы немного поработать над ритмом, а то у тебя сюжет местами провисает: идет-идет динамично, а потом – бац, и спотыкаешься о долгие описания, то было бы, на мой взгляд, совсем неплохо. Но что там у тебя намешано – не поймешь. Впрочем, захватывает.*

*– Так, может, я попробую? – оживилась Полина.*

*– Гм... Ну, пробуй, – снисходительно откликнулся Юрьев. – Только, говорю, время потратишь. Да и расстраиваться будешь, если не получишь ответа. А его и не будет. Или, того хуже, будет, но отказ. Лучше не пытайся, финал все равно известен. Нравится тебе писать? Пиши. Можешь даже в Интернете выкладывать, если тебе хочется читателей. Но советсья в издательства...*

*Он покачал головой и вернул ей папку.*

*Засыпала в ту ночь Полина в смешанных чувствах. То ей хотелось назло Игорю набраться смелости и отправить текст по всем издательским адресам, то, наоборот, она собиралась убрать папку подальше и больше не доставать, а то и вовсе удалить роман из компьютера. Вдруг Игорь похвалил ее лишь чтобы утешить, а на самом деле пишет она ужасно и скучно?*



Следующий день у нее, работавшей в одной частной клинике на ресепшене по сменному графику, был выходной. Полина гнала мысли о романе, стараясь занять себя домашней работой, но взгляд то и дело натывался на телефон и тетрадь с выписанными в нее номерами. И когда у нее пригорел обед, Полина поняла, что единственный способ избавиться от мыслей о рукописи и сомнениях – это позвонить в издательства.

Первый блин оказался вовсе не комом: Полине сообщили адрес редактора, на который можно прислать рукопись. Правда, ответить на вопрос, в каком жанре написан роман, внятно она не смогла. «Чего у вас там больше – детектива или любви?» – спросила девушка-секретарь. «Люби», – выдала Полина, забыв добавить про мистику. Но это уже было не важно: главное, она получила желаемый контакт!

Дальше дело пошло бодрее, и к четырнадцатому звонку Полина уже смело тарабанила по телефону и про жанр, и про объем рукописи. А затем, пока не прошел кураж, разослала рукопись по всем полученным адресам.

Отказы посыпались сразу же: не прошло и часа, как Полина получила три отрицательных ответа из издательств помельче, отвергнувших ее рукопись на основании того, что нет серии под мистический роман. Первый отказ ударил, конечно, больно. А после третьего Полина неожиданно воспрянула духом: похоже, не прав был Игорь, говоря, что в издательства попадают по блату. Дали же ей контакты и ответили, пусть и отказами! А это значит, что надежда остается. Вдруг, вдруг...

– Полина, собирайся! – закричал с порога вернувшийся домой раньше времени Юрьев.

– Куда? Зачем? – не поняла она.

– Подтвердили мое участие в семинаре в Питере! Поезд сегодня ночью. Я заказал два билета, вот они! – Игорь торжественно потряс ими высоко надо головой. – Конференция продлится три дня, а потом мы целый день будем гулять по городу, свободные, как ветер. Ну как, рада?

Он замер – торжественный, довольный и собой, и сюрпризом, красивый, с улыбкой победителя на губах. Ждал, что Полина радостно завизжит и бросится ему на шею, а она почему-то медлила, растерянно мялась и оглядывалась на комнату, в которой гудел включенный компьютер.

– Что-то не так? – насторожился Игорь.

– Нет, нет, все так!

– Ты не рада?

– Рада, конечно, рада! Во сколько поезд?

Игорь, услышав в ее голосе привычные ему интонации, успокоился и сразу стал деловым.

– Час на сборы, – ответил он, бросив взгляд на часы. – Я соберу нужные бумаги, скачаю на флешку кое-какую информацию. А ты подготовь наши вещи на четыре дня. Ну и что мне потребуется на конференцию. Ты знаешь.

И Полина послушно отправилась в спальню собирать свои вещи и его.

Четыре дня в Питере показались ей четырем годами, хоть Полина и любила Питер. Она была здесь уже с Игорем однажды, еще студенткой-пятикурсницей, отчаянно влюбленной в него, молодого преподавателя-аспиранта. Они тогда спонтанно сбежали на выходные в Питер из суетливой шумной Москвы. Тогда город распахнул им объятия, показал свои яркие и привлекательные стороны. А по возвращении Игорь забрал Полину из общежития и поселил у себя. Чудесный момент, волшебный, яркий, оставивший отпечаток в ее душе на долгие годы. В этот же раз город будто решил сыграть на контрасте: встретил их непогодой, как рассерженный маразматичный старик, осыпал, словно бранью, дождями, отхлестал ветрами. Серый, сырой, холодный. Юрьев пропадал на конференциях, таскал Полину на скучные ужины, говорил только о себе и докладах и ни разу не поинтересовался у своей спутницы, как она себя чувствует. Спихватился только к концу второго дня, когда Полина, промерзшая в конфе-

ренц-залах, уставшая от монотонных лекций и бесконечных незапоминающихся знакомств, высказала Игорю все, что у нее накопилось, а под конец расплакалась.

– Хорошо, моя девочка, прости... Я так увлекся, что забыл о тебе. Завтра ты пойдешь гулять по городу, а послезавтра и я к тебе присоединюсь. Согласна?

Она лишь кивнула.

Ей хотелось домой, в Москву. Снова на работу – к своим девчонкам, по которым успела соскучиться, подальше от дующего с Невы пронизывающего ветра и сырого холода. К книгам, чаю, домашнему уюту и, главное, к компьютеру – проверить почту.

В ящике ее ожидало несколько писем. Три были с подтверждениями о получении рукописи, а вот в четвертом письме Полина прочитала те заветные строки, от которых сердце радостно забилося. Она перечитывала и перечитывала их, боясь, что неправильно истолковала смысл, но нет, в письме более чем ясно говорилось о том, что ей предлагают связаться по указанному телефону и договориться о подписании договора.

– Полин, ты тут? – вошел в комнату Юрьев.

– Игорь! – она развернулась на стуле и подняла на него сияющие глаза. – Игорь, у меня, кажется, получилось!

– Что? – не понял он, подошел к ней и заглянул ей через плечо. Прочитал, хмурясь, а затем радостно заулыбался:

– Звони!

– Что, вот так прямо?

– Нет, так криво! – усмехнулся он, снимая с полки трубку радиотелефона. – Полина, тебе ясно сказали: звонить!

Не дожидаясь ее ответа, он сам набрал номер и протянул гудящую долгими судьбоносными гудками трубку.

– А... Але, – произнесла дрожащим голосом Полина, когда ей на том конце провода ответили, и попросила соединить ее с указанным в письме человеком.

Она договорилась о дне и часе подписания договора, аккуратно записала адрес и положила трубку.

– Ну? – радостно спросил Юрьев, глядя на нее – растерянную, ошарашенную неожиданно свалившимся на нее счастьем, красную до корней волос от волнения. – Это надо отметить!

– Погоди, погоди... – пробормотала Полина, растирая виски пальцами и все еще не в силах прийти в себя от такого поворота. Ведь на форумах писали, что ответа из издательств ждут месяцами! Ну, конечно, за исключением тех случаев, когда с ходу отказывают. А тут не прошло и недели! Как так можно? Редактор, правда, ответила, что в издательстве собираются открыть новую серию, набирают в нее авторов, и роман Полины пришелся как раз кстати. Правда, нужно его было доработать. «Романы в новую серию должны быть сентиментальными, а у вас – смесь жанров», – сказала ей по телефону редактор. – Придется смягчить мистику, перенести акцент с нее на любовную линию». Полина была согласна на любые изменения. С ней собираются заключить договор! Ее роман издадут! Вот так просто.

– Ну, так что, отметим? – переспросил Игорь. И она радостно кивнула.

Подписание договора заняло меньше четверти часа: Полина пробежала взглядом по двум листам, от волнения почти не вчитываясь в текст. Если бы с ней поехал Юрьев, он бы вживе изучил каждую букву, тогда как она сейчас бы подмахнула не глядя и договор с Сатаной. Заведующая редакцией, молодая стильная женщина, рассказывала о том, что серию планируют запустить месяца через три, что уже есть два романа от другого автора, которые ее откроют. Полина слушала, стараясь запомнить все до мелочей, но детали ускользали, и внимание концентрировалось не на словах редактора, а на обстановке в комнате. Здесь было интересно и в то же время обычно. Редакция напоминала офис, за несколькими столами рабо-

*тали модные молодые девушки и одна женщина в возрасте. Но именно эти девушки вершили чьи-то судьбы: отбирали из общего потока рукописей те избранные, которые затем, пройдя этапы рецензий и процесс подготовки, становились книгами.*

*Необычным еще во вполне обычном офисе с цветами в горшках на подоконнике, с уютными занавесками вместо современных жалюзи, с кружками с мультияшными картинками, из которых работницы редакции пили чай и кофе, было еще и то, что столы заваливали пачки распечатанных листов. У Полины при виде бумажных гор души затопило чувство гордости, смешанной с колынувшим в сердце беспокойством: ведь и ее роман лежал в одной из этих стопок, рискуя быть отвергнутым. А все эти авторы, чьи романы томятся в ожидании на редакторских столах, еще находятся в состоянии подвешенности: примут – не примут.*

*– Оформление серии будет таким, – заведующая продемонстрировала Полине два листа формата А4, на которых были распечатаны эскизы рисунков. – Это обложки для автора, чьи романы выйдут первыми. Для вашего будет оформлена в том же ключе.*

*Полина, разглядывая выполненный в сиреневых и розовых тонах эскиз с обнимающейся в центре рисунка молодой парой, подумала, что под ее мистический роман подошла бы обложка в другом стиле, не таком кричаще-романтичном, с цветами и сердечками по периметру, но выбирать не приходилось. Она счастлива уже тем, что ее издадут! А в какой обложке – это другой вопрос. Не такой, как она на тот момент думала, важный.*

*– Ну, все! – весело воскликнула заведующая после того, как Полина налюбовалась на эскизы. – Поздравляю вас!*

*На остановке в ожидании автобуса, который бы отвез ее до станции метро, Полина еще раз вытащила договор и полюбовалась на свою подпись и издательскую печать. Свершилось!*

Они попробовали все пути в поселке, который оказался не таким уж большим, как могло показаться на первый взгляд, но пришли не к трассе, а к неутешительным выводам. Во-первых, дороги либо обрывались рекой, оврагом или широким полем, либо вели обратно. Во-вторых, непонятным образом исчезла та самая аллея, по которой они пришли сюда. Не оказалось даже намека на нее. Исчезли и дворы, мимо которых они вчера проходили, и трансформаторная будка. А в-третьих, и это пугало больше всего, поселок казался вымершим. За все это время, что они бродили в поисках выхода, не встретилось ни человека, ни диких, ни домашних животных. Даже птицы, похоже, здесь не летали.

Ограниченный океанами полей и рифами лесов, городок казался необитаемым островком, на который их выбросило, как потерпевших кораблекрушение. Постройки, то ли бараки, то ли сараи, то ли технические домишки, разбросанные в беспорядке по его краю, вызывали ассоциации с разбившимися о скалы остовами кораблей. В центре, за площадью, располагалась пара жилых зданий. Улиц не было, только короткие, узкие или широкие дорожки, кое-где асфальтированные, кое-где – просто земляные. Рассмотреть поселок более детально им не удалось из-за опустившихся на него сумерек. Бедный Никитка, мужественно выдержавший долгие походы, под конец дня расплакался и раскапризничался так, что отец, извинившись, унес его в номер. Полина же с Настей в компании Геннадия зашли в столовую, где из еды увидели лишь ломти хлеба и колбасные и сырные нарезки.

– Да, шикарным ужином нас решили не баловать, – разочарованно протянул парень, но, однако, привередничать не стал и набрал себе в тарелку всего необходимого для пары бутербродов. Ужинали они молча, от усталости не строя новых версий. И без слов было ясно, что придется задержаться еще на ночь.

Геннадий проводил девушек до номера и пожелал спокойной ночи – просто, уже без выпадов в их адрес.

## Глава IV

Полина проснулась резко, будто ее выдернул из сна трезвон будильника. Она распахнула глаза и непонимающе уставилась в черноту ночи, соображая, где находится. В первый момент ей показалось, что едет она в поезде, потому что как раз перед этим видела сон, связанный с дорогой и поездами. Но следом на Полину обрушилось отрезвляющей волной осознание, что находится она в полупустой, если не считать нескольких постояльцев поневоле, гостинице в безлюдном поселке.

– Насть? – тихонько позвала Полина. Глаза привыкали к темноте, и сквозь нее стали проступать предметы обстановки.

Подруга спала, свесив с кровати одну руку и подложив другую под щеку. На оклик никак не отреагировала. Полина повернулась на другой бок с тем, чтобы тоже уснуть, как вдруг услышала тихий вздох. От неожиданности она рывком села и воскликнула:

– Кто здесь?!

– Я, – раздался тонкий голосок. Полина торопливо нащупала выключатель настольной лампы и зажгла свет.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.